

Курская аномалия (отрывок из повести)

Интересно, почему Глеб всегда назначает встречи в ресторациях национальной кухни? – рассеянно размышлял Борис Зимин, тыркаясь в вялотекущей пробке на Таганской площади. – То в «Васаби» меня затащит, то в «Эль гаучо», а то, и вовсе, в какой-нибудь «Аджанта». Откуда, спрашивается, появилось у парня пристрастие к подобным заведениям? Ладно бы ещё, из-за рубежа не вылезал и там модных кулинарных веяний нахватался, так, ведь, дальше Египта и Турции он никуда пока не забирался. Опять же, будь Глеб, гурманом, поклонником экзотических блюд – это ещё что-то, как-то объяснило бы... Так, ничего похожего – к деликатесам равнодушен, никогда ничего съестного не заказывает, забьётся в уголок потемнее и хлещет крепкий кофе в неумеренных количествах... Забавно... С азиатской и латиноамериканской едой – разумеется, в российском варианте приготовления – благодаря другу детства, отрочества, юности и так далее, я познакомился. Теперь, выходит, настал черёд старушки Европы, точнее Германии – идём в немецкий пивной ресторан «Старина Мюллер» на Воронцовке. А любопытно было бы знать, что этот чудила выберет для следующей встречи? Хорошо, хоть, видимся нечасто... Впрочем, что ж тут хорошего? В последнее время пересекаемся раз в год, в лучшем случае – раз в полгода. Друг называется! С прошлой осени болтался, не пойми где, глаз не казал, даже на Новый год поздравлением по телефону отделался, а сегодня спозаранку звонит и заявляет, мол, Боря, нужно срочно увидеться, тебе это будет ну очень интересно. Заинтриговал чертяка. Ладно, послушаю – от меня не убудет...

Так, ворча с самим собой наедине, он добрался наконец до места. Улица Воронцовская, 35... Кажется, здесь... Ого! Да это солидное заведение! Оказывается «Старина Мюллер» не какая-то там задрипанная пивная, а настоящий мини-замок в неоготическом стиле... Зимин припарковал свой изящный перламутрово-голубой «Аккорд», ещё относительно чистый после недавней помывки, рядом с хорошо знакомым квадратномордым «Дефендером» лохматого года выпуска. Пожилой «англичанин» был основательно заляпан грязью. О первоначальном цвете этого монстра можно было только догадываться, и то с трудом. Борис усмехнулся, с уважением поглядывая на Глебово «чудище вездеходное», как тот любовно именовал свой выдавший виды внедорожник. Надо же, до сих пор старичок на ходу! Ничего не скажешь – умели делать вещи в Великобритании двадцать лет назад. Впрочем, наверное, и сейчас не разучились... Однако следовало поторопиться – из-за заторов он прилично опоздал, и друг детства, надо полагать, давненько дожидается. Небось, уже кофе опился – Глеб же без него часа прожить не может. А ресторан-то, между прочим, пивной, ухмыльнулся Зимин. Вот смеху будет, если там из напитков – исключительно только пиво. Впрочем, такое едва ли возможно. Иначе чем же наш мастер пера станет утолять кофеиновую жажду во время предстоящего, по его словам, очень серьёзного разговора?

На улице мартовская мерзость во всей красе – повсюду грязный снег, с тускло-серого неба льется чёрт-те что... А в ресторане тепло и уютно. Вышколенный гардеробщик с приторно-вежливой улыбкой произнёс стандартное «добрый вечер», обменял на пластиковый номерок роскошное финское пальто Зимина и предложил тому пройти в обеденный зал, где на невысокой эстраде пара аккордеонистов виртуозно исполняла какую-то залихватскую тирольскую мелодию. Посетителей было всего ничего. Осмотревшись по сторонам, Борис сразу увидел Глеба Каширина, потому как, не заметить в полупустом зале мужика почти двухметрового роста было сложно. Как и предполагалось, известный журналист расположился в самом дальнем углу, возле декоративного камина, и оттуда призывно помахивал рукой. Зимин добрался до нужного столика, на котором сиротливо стояли три пустых чашки из-под кофе.

– Здорово, Боб! – поднимаясь со стула и протягивая огромную лапищу, прогудел Глеб насыщенным баритоном. – Присаживайся.

- И тебе привет, бродяга! – они пожали друг другу руки, и Борис, кивнув на опорожнённые чашки, подметил – А ты, как обычно, злоупотребляешь...

- Самую малость, - благодушно промолвил здоровяк. – И потом, было бы о чём говорить... В нынешнем кофе кофеина днём с огнём не найдёшь - так что, за моё здоровье особо не тревожься...

Усевшись за стол, Зимин немедленно углубился в меню, любезно подсунутое, невесть откуда взявшимся, официантом, который сразу же отошёл в сторонку и в ожидании дальнейших распоряжений застыл на почтительном расстоянии. Пообедать сегодня не удалось, надо, раз уж занесло в ресторан, хоть, нормально поужинать, подумал Борис, просматривая перечень блюд. Что тут у нас? Ух ты... Копчёные пороссячи щёчки... Буженина по-гамбургски... Закуска Бременских музыкантов – ассорти из двенадцати наименований... Австрийский суп-гуляш... Свиная нога от шефа... Колбаски «Братвурст», «Бернские», «Баварские»... Жареная свинина с картофелем фри, хрустящим лучком и свежими овощами... Заманчиво – от одних названий слюнки потекли...

- Давно ждёшь? – не отрываясь от изучения меню, поинтересовался он.

- Не так чтобы....

При взгляде на этих двоих у любого стороннего наблюдателя вероятнее всего сложилось бы впечатление, что они просто-таки несовместимо-противоположны. Зимин – весь из себя утончённый джентльмен в дорогом костюме, при галстукe, аккуратно подстриженный и причёсанный, с неизменными очками в изящной золотой оправе, украшавшими интеллигентное лицо. Каширин же – здоровенный, начинающий понемногу полнеть детина - больше смахивал на осовремененного босняка: как всегда небритый, волосатый и взъерошенный, в свитере неопределённой расцветки и джинсах, затёртых до неприличия. Короче говоря, более нелепое сочетание и вообразить-то себе трудно, но тем не менее...

Борис и Глеб... Угрозило же, двух мальчишек, с именами – для России уж точно символическими и значимыми - стать неразлучными на долгие годы и, похоже, всю оставшуюся... Дружили они уже лет, этак примерно, тридцать пять, хотя, до пенсионного возраста обоим было ещё ой как далеко. Столь внушительный стаж общения образовался в силу стечения чисто житейских обстоятельств. Так уж сложилось, что папа Бореньки Зимина и мама Глебушки Каширина, типичные представители советской интеллигенции, трудились в «НИИ Приборостроения» - организации закрытого типа, куда, к слову сказать, набирали людей отнюдь не глупых. Руководство института по мере возможностей заботилось о своих сотрудниках и всячески старалось хоть немного облегчить им жизнь, разумно полагая, что, чем меньше бытовых неудобств будут испытывать работники умственного труда, тем больше времени они смогут посвятить непосредственно научной деятельности. Подобный подход в те времена был редкостью, но, так или иначе, а институтское начальство буквально костями ложилось, выбивая в престижных ведомственных дошкольных учреждениях места для подрастающего поколения, имевшего счастье появиться на свет в семьях сотрудников названного научно-исследовательского учреждения. И вот, в одно прекрасное утро, молодые родители Зимины и Каширины - которые, как позже выяснилось, ещё и жили по соседству - привели своих ненаглядных ангелочков в ясли, где те впервые и встретились... С того памятного дня мальчишки словно приклеились друг к другу. Дальше пошло-поехало: после яслей ребята ходили в одну группу детского сада; потом отправились в первый «Б» класс московской общеобразовательной школы № 293 и просидели за одной партой все десять лет учёбы. На выпускном вечере недавним десятиклассникам торжественно вручили аттестаты, с которыми юноши бодро шагнули в большую жизнь. Тут их пути-дороги разошлись: Борис благополучно сдал экзамены во 1-й Мед, а Глеб поступил на журфак МГУ. Когда же молодые люди завершили обучение и долгожданные дипломы о

высшем образовании, один из них с головой погрузился в нейрофизиологию, другой – в журналистику... Впрочем, и в славные студенческие годы, и позже, в круговерти дел и забот, они всегда выкраивали время для общения... Встречались урывками, по поводу или без такового... Совместно отмечали торжественные и не очень даты. Иногда проводили вместе отпуск где-нибудь у моря... Словом, ребята умудрились, как высокопарно пишут в романах, пронести через годы в целостности и сохранности, не разбив и не расплескав содержимого, хрупкий сосуд, наполненный сначала детской, потом юношеской и вот теперь уже вполне взрослой дружбой...

Надо отметить, что Глеб неизменно был несколько крупнее остальных сверстников. В ватаге мальчишек он всегда выделялся ростом и габаритами, но, в то же время, почему-то казался окружающим, исключительно миролюбиво настроенным увальнем, готовым безропотно сносить любые нападки. Борька же, напротив, несмотря на subtilность, в некоторые периоды его жизни доходившую до состояния воистину концлагерной худобы, никогда, никому и ни в чём спуску не давал. Ну, а уж если кому-то по наивности взбрело в голову воспользоваться мягкотелостью его большого друга - скажем, отнять у Глеба, неважно что, игрушку, конфету или фломастер - всюду и везде, в яслях, в саду, в школе, на улице Борька неизменно вставал на защиту справедливости и отстаивал интересы товарища, как свои собственные. А поскольку худосочный правдолюб не производил впечатления серьёзного противника, то у каждого очередного, жаждущего самоутвердиться за чужой счёт, юнца появлялось вполне оправданное желание кулаками доказать своё превосходство. Возникал неизбежный конфликт, в ходе которого хлюпик Борька, согласно логике вещей, должен был огрести по полной... Но как только завязывалась потасовка, в сознании Глеба что-то щёлкало, из вялого недотёпы он превращался вдруг в самоотверженного бойца, влезал в драку и тогда уже летели клочки по закоулочкам. Кончалось подобное безобразие всегда одинаково: друзья подолгу стояли в углу, куда их неизменно отправляли. Конечно, с возрастом кое-что изменилось, но не принципиально. Раз за разом события с завидным постоянством раскручивались по одному и тому же сценарию. Регулярно находились охотники зацепить чем-нибудь добродушного здоровяка Глеба, который какое-то время снисходительно терпел оскорбления и выпады в свой адрес... Потом Борис, движимый чувством долга и справедливости, в резкой форме выступал против того, что считал обидным для своего друга... Как только обидчик или обидчики начинали выяснять с ним отношения, Глеб наконец-то пробуждался от спячки и... По большому счёту, со временем перемены коснулись только последствий. Если раньше за свои деяния друзья отстаивали час-другой в углу, то позже стали отвечать за грубые, с точки зрения общественности, нарушения дисциплины сперва на пионерских сборах, а позже – на комсомольских собраниях. Однажды, даже, побывали в отделении милиции... Но, что характерно, досконально разобравшись в первопричинах конфликта, ни одно высокое собрание, включая разумеется и милицееское начальство, ни разу зачинщиками их не признало...

Пока Зимин перелистывал прейскурант, вся история его жизни – которая, как не верти, была неразрывно связана с жизнью Глеба - промелькнула перед ним кадрами кинохроники. Так и не решив, на каком из блюд германской кухни остановиться, он на время прервал процесс изучения меню, пояснив терпеливо ожидавшему заказа официанту:

- У вас здесь такие вкусности, просто глаза разбегаются. Я ещё немного подумаю и, заодно, аппетит нагуляю... А для начала, принесите стакан апельсинового сока.

Тот понимающе кивнул и удалился. На самом деле, Зимин деликатно спровадил кельнера не только для того, что бы не спеша выбрать, чем бы перекусить. Откровенно говоря, ему не терпелось выведать, по какому такому важному делу его сюда пригласили.

- Ну, а пока, чтобы зря время не терять, - обратился он к Глебу, - выкладывай, чего ради, ты меня затащил в это «нацистское» гнездо?

Сказал и усмехнулся, вспомнив незабвенные «Семнадцать мгновений...» и Штирлица-Тихонова, который в преддверии неизбежного сокрушительного краха третьего рейха, периодически попивал отменное баварское пиво в заведениях, сильно смахивающих на это.

- А я тут недавно посетил Курскую область. И там, понимаешь ли, неожиданно нарисовался один мужичок... - хитро прищурился Глѐб.

- И чем же он замечателен, этот твой мужичок? – вновь заглянув в меню и по-прежнему не отрываясь от решения насущного вопроса, чего бы такое съесть на ужин, рассеянно поинтересовался Борис.

Журналист поднёс ко рту чашку, отхлебнул кофе и легкомысленно ляпнул:

- А он спит и видит...

- Очень остроумно, – равнодушно буркнул Зимин, но, помолчав немного, всё-таки решил уточнить. - И что же именно он видит?

- Сны... - последовал наивный ответ.

- Сны многие видят... - проворчал Борис и, нахохлившись, словно намокший под дождём воробей, недовольно уставился на товарища. – Слушай, Глѐб, ты серьёзно думаешь, что мне больше делать нечего кроме, как тащиться через пол Москвы на Таганку, якобы, для делового разговора... - впрочем, он сразу же смягчился. - Сказал бы сразу, соскучился... Я бы и так прилетел, повидаться, за жизнь поболтать... А-то наплѐл что-то про важное дело...

В словах его проскользнуло разочарование.

- Не-не-не... - торопливо затараторил Глѐб и укоризненно посмотрел на товарища. - Экий ты горячий... Остынь, дружище... Соскучился – это само собой, но я тебя дѐрнул, действительно, не просто так, а по поводу... Никакого трѐпа и пустозвонства... Сейчас сам всё поймѐшь... - журналист примирительно похлопал его по плечу и заговорил, словно учитель с учеником-тугодумом, произнося каждое слово с секундным интервалом. - Объясняю... сны... которые... он... видит... соответствуют... реально... произошедшим... когда-то... событиям...

Борис моментально взбодрился.

- Ну-ка, ну-ка... Надеюсь, это не шутка?

- Какие могут быть шутки... - Каширин самодовольно ухмыльнулся, изобразив на физиономии безграничную уверенность. – Даже не сомневайся. Есть подтверждения некоторых непосредственных участников... Скажу больше, совпадение практически стопроцентное, вплоть до мельчайших подробностей...

- Тебя послушать, так выходит, и в российской провинции, наконец-то, объявился одарѐнный самородок, вроде Ванги... - недоверчиво заметил Борис.

- Специалист по мозгам ты – тебе и разбираться: Ванга - он там или ещё кто... Сам же просил, при случае, присмотреть какого-нибудь уника для твоих исследований...

Зимин припомнил, как года полтора назад он, действительно, в разговоре мельком обронил, что активно занимается поиском людей, наделенного хоть какими-нибудь необычными способностями. Причѐм, даже не уточнил тогда, в чѐм эти способности должны заключаться. Золотое было времечко - тогда он только-только защитил докторскую, сформулировал тему, получил лабораторию, штат сотрудников, выбил финансирование... Короче, готовился к прорыву в нейрофизиологии...

- И ты, вот так с ходу, понял, что нашѐл подходящего кандидата? – вполне серьёзно осведомился он у друга-журналиста, который тут же закивал в знак согласия. – А откуда он взялся?

- Бабу Зину мою помнишь? Так вот, в прошлом месяце занесла меня нелѐгкая в провинциальный городишко Рыльск... Это в Курской губернии... Оттуда до Поповки, где бабуля моя обитает, добираться всего ничего, и решил я старушку проведать. Дай, думаю, смогаюсь по быстрому – когда ещё случай увидеться подвернѐтся... Приехал, а она там, видать, совсем одичала от скуки и одиночества. Обрадовалась мне, будто, прибавке к

пенсии - не знала, куда посадить, чем накормить... Ну, а за стопочкой бурякового самогона с пампушками на закуску, рассказала прелюбопытную историю...

Борис Глебову бабушку, Зинаиду Петровну, помнил смутно. Он её только однажды и видел, ещё в далёком детстве, когда, та к Кашириным на недельку погостить приезжала.

- А, кстати, сколько её сейчас? – спросил он.

- В прошлом месяце восемьдесят стукнуло...

Зимин с сомнением присвистнул:

- Солидный возраст... Что же тебе старушка поведала?

- Не так давно заезжал к ней соседский сынок Ванька Антонёнок. Мужик хоть и в летах, а живёт, как перекаати-поле. Не сложилась у человека семейная жизнь – всяко бывает... Работает кровельщиком, вечно мотается в поисках заработка. Кочует по-цыгански - где работа, туда и он. В кои-то веки в родное село наведалься, ну и заглянул к моей бабуле по-соседски - своих-то давно уже никого не осталось. Слово за слово, и по секрету сообщил он ей жуткую тайну о том, как однажды приметил за собой странность. Стоит ему заночевать где-нибудь, к примеру, в чужом доме, как немедленно сновидения его одолевают. Причём в них воссоздаются события, которые происходили довольно давно где-то поблизости. Узнал он об этом случайно. Остановился на ночь у одной тётки, которой требовалось крышу подлатать, и за завтраком вздумал ей свой сон пересказать. Приснилось, мол, будто он не он, а Мирон, колхозный конюх. На дворе тысяча девятьсот тридцать четвёртый. И вот раненько по утру приехали из района трое чекистов. Собирайся, говорят, с нами поедешь. Агафья, вроде как жена, в слёзы, на шею кинулась. Не впервой уже так людей-то забирали - в те времена дружно и повсеместно все вредителей выискивали. Мирон, смекнув куда дело клонится, упёрся, было, так они его скрутили и выволокли из хаты, а по пути самовар со стола опрокинули... Хозяйка, как такое услышала, чуть мимо лавки не села. Кто, говорит, тебе про батьку моего рассказал, как его заарестовывать приходили? Ну он, понятное дело, опешил. Стал той тётке, втолковывать. Вот же заполошная... Сказано тебе, сон такой чудной... Та ни в какую... Не крути, шумит. Мирон Ерофеич – отец мне, Агафья Тихоновна – мать. А самовар тот помятый по сю пору на чердаке пылится за негодностью... Откель про тот случай выведал? Тут до мужика доходить стало, что неспроста с ним такие чудеса творятся...

Ну, кое-как отбрехался, хозяйку угомонил, а сам крепко призадумался. От снов никуда не денешься, они, ведь, без спроса в голову лезут. И с тех пор стал он после ночёвок в случайных местах интересоваться осторожненько у хозяев, что да как, и со сновидениями своими сопоставлять. В конце концов, досравнивался... Всё, что бы ему по ночам не привиделось, оказывалось чистейшей былью многолетней давности... Короче, в сновидениях своих лицезрит он вполне конкретные исторические факты из жизни совершенно конкретных людей, имевшие место в тридцатые-сороковые годы двадцатого века... - Каширин выдержал многозначительную паузу. - О чём и свидетельствуют ныне здравствующие дети и внуки участников тех событий... Обо всём этом он старушке поведал, как на духу. Я, разумеется, взял эту историю на заметку... Разыскал того мужичка... Переговорил с ним... Оказалось, вот такой дядька! – Глеб выразительно поднял вверх большой палец сжатой в кулак правой руки. - Это для моей бабки в её годы все, кто не ровесники, те молодые... Тому Ваньке, как выяснилось, уже хорошо за пятьдесят, и никакой он не Антонёнок, а Антонюк Иван Степанович. В общем, он всё подтвердил – похоже, баба Зина ничего не нафантазировала – и в случае необходимости готов поспособствовать развитию отечественной науки. Думаю, твой это клиент, к гадалке не ходи... - оптимистично закончил журналист.

- Если всё обстоит так, как ты рассказал, то очень может быть... - задумчиво процедил Зимин и, встрепенувшись, деловито поинтересовался. – Как мне с ним связаться?

- Не сомневался, что ты заинтересуешься... - Каширин расплылся в довольной улыбке. – Записывай номер телефона...

После разговора в «Старине Мюллере» прошло месяца четыре. Лето было в разгаре - стояла невыносимая июльская жара. Припекало так, что несчастный асфальт, ставший похожим на мягкий пластилин, безвольно деформировался под ногами прохожих, а раскалившиеся от солнечных лучей стены домов, казалось, вот-вот расплавятся. Правда, в тени навеса летнего кафе послеполуденный зной всё же не так докучал. Там-то за пластиковым столиком Зимин и расположился в ожидании Каширина. Неспешно попивая прохладный апельсиновый сок, он лениво наблюдал за проезжающими автомобилями. Наконец, на противоположной стороне улицы остановился знакомый припудренный пылью «Дефендер». Из-за руля не выбрался, а прямо-таки вытек раскрасневшийся от духоты Глеб. Осмотревшись по сторонам, журналист поспешно пересёк проезжую часть. Вид у него был расхристанный – благо погода способствовала. Весь наряд «акулы пера» состоял из распахнутой рубашки-гавайки попугайского цвета, удлинённых хлопчатобумажных шортов и шлёпанцев на босу ногу. Борис, который, несмотря на имевшие место «плюс тридцать пять в тени», явился на встречу в белой рубашке и брюках, смотрел на друга с нескрываемой завистью.

- Некоторым везёт... - проворчал он себе под нос и вяло поздоровался. – Привет...

- Привет, привет... - тяжело отдуваясь и отирая с лица пот носовым платком, ответил Каширин и плюхнулся на соседний стул.

Зимин снова покосился на чересчур легкомысленный прикид Глеба и не удержался - съязвил:

- Счастливчик... Никто тебе не указ – можешь себе позволить, напялить чёрт знает что...

- Вот только, не надо завидовать... - благодушно пророкотал в ответ журналист. - Тебе-то кто мешает одеваться по погоде?

- Не кто, а что... – тяжело вздохнул Зимин. - Корпоративный дресс-код...

- Ну, извини... Каждому своё... - белозубо улыбнулся Глеб. Он жестом подозвал официанта, заказал неизбежную чашку эспрессо и бутылку минералки, а потом озабоченно посмотрел на часы. – У меня времени в обрез, так что, давай, пошустрее...

Зимин усмехнулся.

- Куда торопишься? Не иначе, предстоит серьёзное интервью где-нибудь в Серебряном бору... на пляже? – увидев, что на физиономии друга появилось нечто похожее на возмущение, он поспешил предотвратить взрыв негодования. – Шу-чу... Спешись, стало быть, буду краток. Предлагаю тебе лично – а в твоём лице, разумеется, и твоему печатному периодическому изданию – освещать в прессе... как бы поизящнее выразиться... ход эксперимента, проведение которого стало возможно в результате титанических усилий нескольких групп учёных разного профиля...

Каширин не стал дожидаться окончания этой напыщенной речи.

- Как сделать поизящнее, я и сам разберусь... - несмотря на то, что в глазах прожжённого писаки промелькнул живой интерес, он всё же постарался натянуть на лицо маску безразличия. – Полагаешь, твои опыты способны заинтересовать многомиллионную армию наших читателей?

Борис с удовольствием пригубил освежающий апельсиновый напиток и как бы невзначай колко заметил:

- Ну насчёт многомиллионной армии, ты лишку хватил... Скромнее надо быть... Тираж твоей газетёнки до озвученной цифры даже близко не дотягивает... А что касается эксперимента, то, если всё пройдёт как запланировано, это будет настоящая бомба... - многообещающе заверил он, и, сообразив, что получилось слишком уж двусмысленно, быстро пояснил. – В смысле, фурор...

Но Глеб не унимался – видимо, жаждал конкретики:

- Имей в виду, если уж ты собираешься выдернуть меня, как морковку с грядки, из водоворота общественной жизни, то ты просто обязан предъявить что-нибудь особенное...

- Само собой... Вам ведь, журналигогам, сенсацию подавай ... Ради неё отца родного не пожалеете - кому угодно в глотку вцепитесь....

- Ну, так уж и в глотку? – не то с гордостью, не то с сомнением переспросил Глеб, обмахиваясь платком. - Хотя, конечно... А что такого? Это, в конце концов, мой хлеб...

- Вот и я говорю: ради жареного факта, кого хочешь удавите, а, заодно, ещё и между собой перегрызётесь...

Журналист состроил кислую мину.

- Если ты пригласил меня, чтобы проповеди читать на тему «облико морале» и выплёскивать праведный гнев на всю пишущую братию в моём отдельно взятом лице, то я, пожалуй, поеду...

Борис слишком хорошо знал своего старого друга, чтобы уверовать в реальность подобного демарша с его стороны, и, улыбнувшись, иронично покачал головой:

- Ага... Верю... Вот прямо сейчас встанешь и отправишься восвояси? Ну-ну...

- А что, по-твоему, сможет мне помешать?

Зимин издевательски хмыкнул.

- Человек ты независимый - практически, лицо свободной профессии... И разумеется, мог бы это проделать, но против некоторых веских доводов даже ты бессилён... - язвительно заметил он. - Скажу по секрету, если ты сейчас уйдёшь, то через пару минут я позвоню одному хорошему парню Вите...

Глеб, принявшийся, было, за доставленные наконец-то неторопливым гарсоном кофе и минералку, чуть не подпрыгнул на стуле:

- Витьке Хохлову?

Нейрохирург утвердительно кивнул, потягивая сок.

- Ни в коем случае! Только не это! Ты просто не имеешь права так со мной поступить! – возмутился журналист.

Зимин с довольным видом констатировал:

- Видишь, как просто убедить тебя остаться.

Дело в том, что Хохлов был коллегой по цеху и извечным конкурентом Каширина. Так уж сложилось, что пути их пересекались слишком часто, особенно в последнее время. В этом противостоянии они напоминали двух собак, вынужденных лопать из одной миски. Вот и выходило, кто не успел, тот опоздал... Ничего личного. Не то чтобы они недолюбливали друг друга – ни в коем случае... Просто, они друг друга ненавидели или, деликатно выражаясь, испытывали лютую взаимную профессиональную неприязнь... Глеб, поняв, как дешево его развели, беззлобно рассмеялся:

- Ох, и гад же ты, Борька! Не будь ты моим другом...

Зимин парировал в том же ключе:

- Ну, началось... Да, не знай я тебя с тех пор, когда мы сидели на соседних горшках, мы бы вообще не беседовали сейчас на эту тему... И хватит уже переливать из пустого в порожнее... - он оставил легкомысленный тон. – Соберись... Речь пойдет об очень важных вещах - о научной работе, на которую я затратил много лет... Так что, прошу отнестись к моим словам с максимальной серьезностью.

Журналист поднял руки вверх, словно, капитулируя:

- Ладно, ладно... Не бухти... Ты же знаешь, у нас вечно одно и то же: по полгода не видимся, а встретимся и давай в остроумии упражняться... Нет чтобы делом заняться...

- Всё я знаю... Поэтому, кончай выпендриваться... Давай-ка лучше, вникай в суть и мотай на ус.

Каширин перестал улыбаться.

- Сижу... Молчу... Слушаю... - он смиренно сложил руки на животе, но уже через секунду снова затарахтел. – Можно последний вопрос?

Зимин недовольно поморщился.

- Ну?

- Насколько я правильно понимаю, это как-то связано с дядей Ваней?

Он лукаво прищурился.

- Если ты Ивана Степановича имеешь в виду, то – да... - охотно подтвердил Борис и ухмыльнулся. - В чём, в чём, а в проницательности тебе не откажешь...

- Неужто, мой протеже и вправду оказался, деревенским самородком, типа Ванги? – оживился Глеб.

- Вообще-то, между ними ничего общего, но если тебе удобнее и проще мыслить сравнительными категориями, то кое в чём он, пожалуй, даже покруче покойницы будет... Видишь ли, у Антонюка очень своеобразный мозг - можешь мне поверить, в таких вещах я кое-что понимаю... Этот человек не только улавливает сильные энергетические импульсы из прошлого и воспроизводит в сновидениях когда-то реально происходившие события. Он способен кодировать увиденные во сне сцены и передавать зашифрованную таким образом информацию на специальную аппаратуру, а та, в свою очередь, добросовестно фиксирует поступающий сигнал, потом декодирует и выдаёт готовый продукт... Грубо говоря, преобразует грёзы в озвученное видеоизображение... Как тебе такой сюжетец?

Глеб с сомнением поцокал языком и недоверчиво спросил:

- Разыгрываешь?

- Ничуть. Я серьёзен, как никогда.

- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью... - рассеянно промурлыкал журналист и, не обращая внимания на немой протест Зимина, который на дух не переносил табачного дыма, закурил. – Это что же получается? Вы из сновидений документальный фильм делаете?

- В каком-то смысле... Но пока, только исключительно в данном конкретном случае... С тобой, со мной да и с миллионами других людей - такой номер не пройдёт, а с Антонюком – запросто... В двух словах всего не объяснишь... В общем, ты оказался прав: он – уникал... При чём, как нельзя более, подходящий – в мою тему вписался идеально... Тут нам повезло - как говорится, стопроцентное попадание... И поскольку, ты не из последних, кто к этому руку приложил...

- Что значит, не из последних? Да если бы не я... - громогласно возроптал до крайности возмущённый Глеб.

- Хорошо, хорошо... Только не горлопань - у меня и так от жары голова трещит... - попытался утихомирить его Зимин и, перейдя на гнусный менторский тон, начал сначала.

- Поскольку, исключительно благодаря тебе, стало вообще возможно проведение подобного эксперимента, было бы справедливо, чтобы освещением в прессе хода полевых испытаний занимался именно ты... Доволен? Получил сатисфакцию? Надеюсь, такая оценка руководящей и направляющей роли Глеба Каширина в грядущих событиях тебя больше устраивает?

- Безусловно... - кивнул журналист. – Только, мне не совсем ясно, о каких полевых испытаниях идёт речь? Вы же не танк на полигоне обкатывать собираетесь...

- Не стоит понимать так буквально. Под этим термином понимается экспериментальная оценка качества нашей, специально для такого случая, разработанной аппаратуры. Программа-то серьёзная – в ней, помимо группы от моего института, задействовано целое творческое содружество высоколобых интеллектуалов и технарей, которые для осуществления эксперимента такого понаизобретали, что о-го-го! Кое-что уже апробировано, кое-что находится в стадии тестирования... Так что, грядут полноценные полевые испытания, – пояснил он и насмешливо прибавил. - Тем более что

местом проведения эксперимента выбрана граница Белгородской и Курской области, а полей там предостаточно – лесостепь, как-никак...

На вульгарный каламбур Глеб никак не отреагировал, зато, у него сразу вырвалось порядком подзабытое название:

- Курская магнитная аномалия... - сказал он, ни к кому не адресуясь, и пояснил ход своих мыслей. - Она как раз где-то там находится...

- Возможно... - пожал плечами Борис. – Но мы при выборе места руководствовались совсем иными соображениями.

- Это, какими же, позвольте полюбопытствовать? – спросил матёрый ловец сенсаций, поудобнее устраиваясь на пластиковом стуле.

Зимин, скептически наблюдавший за приготовившимся слушать журналистом, позволил себе спаясничать:

- Сколько мне помнится, ещё несколько минут назад ты ужасно спешил...

- Забудь, - небрежно отмахнулся Глеб и уставился на него. – Ну-с, я с нетерпением жду комментов...

- Только имей в виду, это надолго. Думаю, я и в полчаса не уложусь...

- Ничего, потерплю... - снисходительно согласился Каширин.

- Как знаешь... Но чтобы у тебя сложилось чёткое представление о сути готовящегося эксперимента, сделаю одно м-а-а-а-аленькое уточнение, - для наглядности Борис выразительно сдвинул большой и указательный пальцы правой руки, оставив между ними небольшой просвет. - Твой Антонюк не просто так видит сны, перекликающиеся с реальностью многолетней давности, он впитывает информацию растворённую в окружающем пространстве... Причём, делает это избирательно...

Похоже, такое пояснение понимания слушателю не прибавило, скорее, наоборот, ещё больше озадачило. Тогда Борис взялся за дело обстоятельно:

- Начнём от печки... Полагаю, что хоть какое-то представление о временами возникающем у человека психоэмоциональном напряжении, именуемом стрессом, ты имеешь...

Глеб кивнул, и Зимин приступил к разъяснительному монологу:

- Отлично. Так вот, именно стресс является предметом моего исследования... Общеизвестно, что он провоцирует ускорение обмена веществ в организме, что, в свою очередь, сопровождается выделением значительного количества энергии. Не стану утомлять тебя цифрами, но на сегодняшний день экспериментальным путём установлена следующая закономерность: лишь около восьмидесяти пяти процентов энергии, производимой человеческим организмом в состоянии стресса, расходуется на повышение температуры поверхности тела, активизацию некоторых химических реакций и прочее... Спрашивается, куда деваются оставшиеся пятнадцать?

Каширин, разумеется, понятия не имел, куда они деваются, да и вообще, пока всё то, о чём столь обыденно вешал Зимин, напоминало ему тёмный лес в безлунную ночь. Поэтому, в ответ он лишь пожал плечами...

- А, не доводилось тебе часом слышать что-нибудь об эмоциональной энергии? – продолжал допытываться Борис.

Глеб порывлся в памяти, силясь припомнить хоть что-нибудь похожее, но не смог. Зимин понимающе кивнул:

- Не напрягайся... Этот термин ввёл я, и не так давно... - с нажимом добавил он, пристально глядя на друга – не начнёт ли тот по привычке язвить и ехидничать. Но журналист помалкивал и с непритворным интересом ждал дальнейших разъяснений. Борис поспешил удовлетворить его любопытство – Источником эмоциональной энергии является человек, и по моему глубокому убеждению, она обладает свойствами, присущими всем прочим видам энергии, а, следовательно, может быть измерена соответствующими приборами... Это во-первых... Во-вторых, она является носителем информации... В-третьих, имеет свойство оседать и накапливаться на различных

объектах, окружающих людей... Как раз эмоциональная энергия и составляет те неуловимые пятнадцать процентов, которые не задействованы организмом в борьбе со стрессом и произвольно выбрасываются в окружающее пространство. Количество энергии, выделяемой одним человеком, ничтожно, и, вероятнее всего, она довольно быстро рассеивается или преобразуется в иные виды энергии... А что происходит, когда большое множество людей постоянно находится в состоянии психоэмоционального напряжения в течение длительного промежутка времени, к примеру, в условиях военных действий? Мой гипотетический ответ - выделяемая ими эмоциональная энергия, не успевая рассеяться, находит себе некую нишу, где концентрируется... Проще говоря, бедняжка, забивается в укромное местечко и сохраняется там, как горячий чай в термосе... Я доступно излагаю?

- Теперь, более или менее понятно, - одобрительно кивнул Глеб. – Давай, дальше...

- Так вот... Если источником такой энергии может быть кто угодно, то её... как бы покорректнее выразиться... приёмником, может стать далеко не всякий... В чём уникальность нашего подопытного - Антонюка? Как я уже говорил, он пока единственный, кто способен подключаться к емкостям, многие годы аккумулировавшим эмоциональную энергию генерированную когда-то жившими людьми, преобразовывать её в зримые образы, кодировать, а потом ещё и транслировать зашифрованную информацию... Моя задача сводится к минимуму – обеспечить запись, декодирование и воспроизведение... - видимо сочтя, что в дальнейших пояснениях нет необходимости, Борис, как само собой разумеющееся, изрек. – Вот поэтому мы и отправляемся в Белгородскую и Курскую область...

Каширин протестующе замотал головой.

- Стоп, стоп, стоп... Почему именно в те края?

- Я, ведь, очень прозрачно намекнул... Ниши-аккумуляторы, о которых только что говорилось, могут, разумеется, возникнуть где угодно. Но логично было бы предположить, и в этом мнении многие учёные единодушны, что уровень психоэмоционального напряжения, должен зашкаливать на полях сражений, в которых участвовали и гибли многие тысячи людей... Полагаю, в таких местах аккумулирована огромная эмоциональная энергия, которую при помощи Ивана Степановича я собираюсь превратить в зримое проявление былых событий... – Борис подождал хоть какой-нибудь реакции, но на лице Глеба по-прежнему читалось одно лишь искреннее непонимание. - Тупишь, брат... Должно быть, от жары... Где на территории бывшего СССР произошло одно из крупнейших сражений Великой отечественной войны?

- На Курской дуге... - на автомате, не раздумывая, откликнулся журналист.

- Правильно, - подтвердил Зимин. – Ну и где же ещё, как не там, искать наши аккумуляторы?

На лице журналиста появилось осмысленное выражение.

- Вот, значит, как?... Дай-ка попробую сформулировать, а ты, если ошибусь, поправишь... - Зимин не возражал. – Если я правильно понял, содержание снов дяди Вани формируется под воздействием эмоциональной энергии, присутствующей в окружающей среде, и чем выше её концентрация в каком-то конкретном месте, тем сильнее воздействие на приёмник, в роли которого выступает дядя Ваня... А местность с повышенной концентрацией этой энергии, если следовать твоей логике, вероятнее всего находится где-то в тех краях... На линии Орёл-Курск-Белгород... Так?

Борис сделал рукой неопределённый жест, очевидно, долженствовавший означать согласие:

- Примерно так...

- С этим, стало быть, разобрались... Теперь, у меня возникает следующий естественный вопрос... Как дядя Ваня умудрится выхватывать из моря эмоций многих и многих людей, из каши наслаивающихся одно на другое воспоминаний, что-то конкретное? Ведь, насколько мне известно, по рассказам бабушки, он воссоздаёт во сне

вполне определённые эпизоды из жизни вполне конкретного человека, ну, может быть, нескольких человек каким-то образом связанных между собой...

Зимин беспомощно развёл руками.

- Ну, ты спросил... Мы только в начале пути... Особенности функционирования человеческого мозга куда досконально не изучены... Не гони, брат... Дай срок - постепенно во всём разберёмся... Для того эксперимент и затевается...

Друзья так увлеклись беседой, что не обращали внимания на время, и напрочь позабыли о жаре, духоте и прочих неудобствах. Они даже не заметили, что день стал клониться к вечеру. Единственное о чём Глеб вспоминал с завидным постоянством, так это о кофе - перед ним уже выстроилась шеренга из шести опорожнённых чашечек...

- Ну, так что? - Борис пытливо посмотрел на друга. - Принимаешь моё предложение?

Тот пожал плечами.

- Конечно, принимаю... Но только с одним непременным условием... - Зимин вопросительно воззрился на журналиста. - Давай твой эксперимент начнём с Поповки...

Борис удивился и счёл нелишним полюбопытствовать:

- Зачем тебе это?

Глеб по-мужицки поскрёб затылок:

- Да, считай, что блажь... Ещё с детства... Бабушка частенько войну вспоминала. Она, ведь совсем ещё девчонкой вместе с братом и матерью два года прожила на оккупированной территории, как это тогда называлось... Порассказала про своё житьё-бытьё под немцами. Иной раз, как представишь, что там творилось, волосы дыбом встают... Сколько себя помню, всегда мечтал - не со слов бабули узнать, а воочию, что ли, убедиться... К тому же... - судя по всему, эта мысль посетила его только что. Он поднял указательный палец вверх. - Если твои теоретические выкладки, хоть наполовину соответствуют истине, то Поповка для подобных исследований самое то... Боевых действий там, правда, не было, но можешь поверить, стрессов у тамошних обитателей в военные годы хватало...

Несмотря на очевидную наивность такой аргументации, Зимины ответ вполне устроил, особенно, последний, вроде бы вскользь приведённый Глебом, довод.

- Договорились... На что не пойдёшь ради старого друга... - сказал он. - Выкроим пару-тройку дней, раз тебе так приспичило. Крюк, вроде, небольшой - вёрст двести пятьдесят всего... Да и для дела польза - лишний раз сравнить ночные видения нашего уникала с воспоминаниями очевидца не помешало бы...